

16.05.92

Долги памяти

Мне было шестнадцать лет, когда из глухой провинции я переехал в Ленинград. Ни одного живописца до этого не видел, а потому, прочтя в "Красной газете", что на улице Софьи Перовской открылась книжная ярмарка, где вместо продавцов - известные писатели, отправился туда.

По обе стороны улицы-бульвара стояли киоски, где в тесноте сидели писатели, на прилавках были разложены их книги. При желании можно было приобрести книгу с дарственной надписью автора. Это и привлекало посетителей книжной ярмарки.

Я ходил от киоска к киоску, радуясь возможности увидеть зарез столько знаменитостей. Из киоска выглядывали барственный Алексей Толстой, сановитая Ольга Форш, похожий на купца Вячеслав Шишков, автор нашумевшей новинки - романа "Степан Разин" Алексей Чапыгин с лицом мастерового, юный поэт Виссарион Саянов и его брат по перу крутолобий Борис Корнилов. В обществе писателей был и Леонид Утесов...

Полтинник из своих весьма скудных средств я намеревался потратить на книгу с автографом Михаила Зощенко: с детства любил его юмористические рассказы, а "Банию" и "Аристократку" знал наизусть. Но... Если бы не табличка с фамилией писателя, ни за что не догадался бы, что в киоске Зощенко, я-то представлял его себе веселым толстяком, а увидел застенчивого, печального человека со смуглым лицом. Он явно тяготился ролью продавца, казалось, хочет остаться незамеченным...

Зощенко смотрел куда-то в сторону и не сразу обратил внимание на юношу, топтавшегося перед его прилавком. А заметив, молча, незаинтересованно ждал, когда я выберу книгу. Соображая со своими ресурсами, я предпочел сборничек юмористических рассказов. Подняв на меня темные, грустные глаза, тихо спросил: "Надписать?". Я благодарно закивал головой. Вынув из внутреннего кармана пиджака вечное перо (редкая в то время вещь), Зощенко расписался под своим портретом и протянул книжку. А я-то рассчитывал, что напишет мне на память что-нибудь смешное!

Года через два я устроился репортером в редакцию детской газеты с созвучным тогдашнему времени названием "Ленинские искры". Раз в месяц газета дарила своим юным читателям приложение юмористический журналчик "Баклажка" (была такая песня "Буль-буль, баклажка, походная моя!"). Делал журналчик фельетонист газеты Марк Гейзель, долговязый парень в желтых крагах (он погиб при эвакуации из Таллинна в августе 1941 года), я ему помогал.

Рассказы и фельетоны в "Баклажку" писал и Михаил Михайлович Зощенко. Приносил их в редакцию сам. Так я получил возможность довольно часто видеть его. Был Зощенко неразговорчив, в общении суховат,

казалось, он вовсе лишен юмора. Лишь однажды он развеселил редакцию устным рассказом, как преследует его "горе-злосчастье", так и норовит вскопичить ему на спину и помучить. Аварии, в которую мы с ним однажды попали, Зощенко тоже объяснял кознями этого злобного существа.

... В школе у Нарвских ворот редакция устраивала встречу читателей с "Баклажкой". Директор издательства - эстонец из Пярну Генрих Карлович Класс - из уважения к Зощенко выделил нам свою служебную машину, дряхлую, но респектабельного вида. Скептически оглядев "драндулет", Зощенко как-то загадочно улыбнулся. Мы скоро поняли, что означала эта улыбка.

большее смущение, не зная, что сказать. Наша газета хотя и издавалась для детей, но была идеологизирована, как и всякая другая. Любое явление мы оценивали с "партийных позиций", точно знали, что есть добро, а что - зло, пуше всего боялись оставить читателя наедине с фактами, все старались разъяснить, из всего вывести мораль...

А в этом фельетоне не было морали. Вообще-то она, конечно, была, но спряталась в авторской интонации. Это противоречило нашим принципам: зло надлежало громко и ясно заклеймить!

В фельетоне весело рассказывалось, как расшалившиеся школьники перебрасывались в классе на перемене толстой книгой, она угодила в оконное стек-

него есть время найти себя, создать что-то крупное, талантливое. Но сомнения все же оставались: в содружестве Ильфа и Петрова молва отдавала предпочтение первому из них...

Летом 1940 года в ленинградский корреспондентский пункт "Правды", где я тогда работал литсотрудником, позвонили из редакции, что к нам приедет Евгений Петрович Петров, сделает в газету отчет о военно-морском параде, закажите ему пропуск. Подумалось: вот и представится случай узнать от него самого, что он теперь пишет, намерен ли продолжать работу в жанре сатирического романа и составить себе собственное мнение о Петрове...

Я встречал Евгения Пет-

другую: после управления я-де звоню в горисполком, там меня отсылают в Главный штаб, попадаю на писаря, он, не поняв, в чем дело ("Почему Петров - это Катаев? Не положено!"), предлагает связаться с паспортным отделом, там подумали, что разыскивают покойника; и велели звонить в городской морг...

Ожидая фельдьегера с новым пропуском, мы коротаем время за разговорами. Спрашиваю (меня это давно интересовало): "Мистер Адамс из 'Одноэтажной Америки' - выдуманная фигура или действительно лицо? Уж больно он колоритен..."

Почему же вымышленное? - отвечает Евгений Петрович. - Живой человек, могу дать адрес, будете в США, зайдите к нему, убедитесь!

В глазах - лукавинки, я так и не пойму, правду он говорит или "крутит". А что Петров сейчас пишет? Снова уклончивый ответ: пьесу, политическую (возможно, речь шла о комедии "Остров мира", опубликованной после смерти Петрова). Я заметил, что читатели ждут книгу в духе "Стульев" и "Теленка", вот бы хорошо вернуться к Остапу Бендеру, ведь однажды вы с Ильфом его уже воскресили из мертвых...

Невозможно, - ответил Петров. - Не то теперь время: Остап Бендер со своими штучками живо оказался бы в Бутырьках. И к тому же неэтично без Ильи Арнольдвича разрабатывать эту "жизнь"...

Фельдьегер доставил пропуск на Катаева, Евгений Петрович по привычке расписался в расписанной книге... как Петров. Лейтенант покраснел от волнения: - Чужой пропуск присваиваете?

Евгений Петрович попытался ему объяснить, что это недоразумение, что пропуск выписан именно ему... Лейтенант заподозрил недоброе, потребовал паспорт: - Катаев? Правильно, Катаев. А почему подписывается "Петров"?

Евгений Петрович снова стал объяснять: - Петров - мой литературный псевдоним.

- Какой-то псевдоним? - вспыхнул лейтенант. - Еще какое-нибудь удостоверение есть? - Евгений Петрович достал удостоверение "Правды", как на грех, оно было выдано на Петрова.

Начался новый скетч, только на этот раз потешался уже я. Лейтенант отобрал пропуск и начал дозваниваться до своего начальства. Так, мол, и так, который Катаев - это Петров, выдает себя за Катаева, по паспорту Катаев, а удостоверение - на Петрова... Что прикажете делать? Получив по телефону разъяснение, вернул пропуск.

В следующий день Евгений Петрович до обеда был на военно-морском параде. Приехав в корпункт, сразу сел писать отчет - телефон в Москву был уже заказан, редакция ждала корреспонденцию в номер. Прямо с рукописи Петров продиктовал ее стенографистке. Отчет как отчет, в меру - информации, в меру - патетики и лирики. И все же в петровском отчете о параде чувствовалась рука писателя: свежие образы, яркие краски, ничего лишнего.

Вечером я проводил Евгения Петровича на "Стрелу".

Даниил РУДНЕВ.

Как я учил Зощенко писать

Молодежь Эстонии - Ленинград - 1992 - 16 мая

"Горе-злосчастье" сразу дало себя знать: мотор никак не хотел заводиться, шофер крутил и крутил ручку, машина на секунду-две оживала - но только для того, чтобы снова погрузиться в летаргический сон. Наконец, машина завелась, и мы поехали. До Нарвских ворот добрались благополучно, но едва их миновали, как нас стукнул грузовик. В правом заднем колесе полетели все спицы, дверцу заклинило. Мы с Марком испугались, а Михаил Михайлович воспринял случившееся спокойно, мол, это очередная подлоха его "горя-злосчастья". На трамвае мы вернулись в редакцию. Прощаясь, Зощенко сказал нам: "Теперь будете знать, как ездить со мной в автомобиле".

А теперь расскажу, как я учил Зощенко писать. Весной 1933 года вся газета вместе с "Баклажкой" оказалась на моем попечении: редактора послали уполномоченным на лесозаготовки, заместителя редактора - проводить на селе подписку на очередной заем, Марк незадолго до этого укатил на Дальний Восток к тигроловам.

Подошло время выпустить "Баклажку". Без помощи Зощенко было не обойтись. Я позвонил ему, он охотно согласился написать фельетон, только попросил прислать ему несколько детских писем - их доставляли в редакцию мешками. Отбрав пять-шесть писем, более интересных и зубастых, я послал ему с курьером. Дня через два Зощенко принес готовый фельетон, странички на три, сел на диван и стал ждать, когда я прочту. Этого правила он придерживался всегда, и пока не убедится, что с фельетоном или рассказом все в порядке, не уходил.

Смущаясь тем, что моего решения ожидает маститый писатель с мировой известностью, я быстро прочел фельетон. И пришел в недо-

ло, вышибла его и "приземлилась" на шляпе прохожего, смяв ее в блин. На этом автор поставил точку. Без нравов и выводов. А мне, юному ортодоксу, как раз и нужны были нравоведения, мораль...

Зощенко был известен своей неуступчивостью. Как побудить его дописать к фельетону всего-навсего несколько строк, осудить проступок школьников, дабы неповедно было другим повторять его? У книги оторван переплет, а она библиотечная, и что подумает о школе владелец испорченной шляпы, и так ли следует вести себя в классе, даже на перемене...

Заклякая и отводя глаза, я уговаривал Михаила Михайловича дописать к фельетону желанную концовку. Он спокойно выслушал мой лепет и категорично отмахнулся.

- Фельетон хороший! - только и сказал.

Перечитывая фельетон много лет спустя, я убедился, что он действительно хорош...

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ БЕЗ ИЛЬИ ИЛЬФА

В представлении современников Ильф и Евгений Петров сливались в одного писателя, и после того, как весной 1937 года Ильф, болевший туберкулезом, умер, почитатели этого блестящего тандема гадали, как же сложится творческая судьба Евгения Петрова, под силу ли ему одному создать что-либо, равное "Золотому теленку" и "Двенадцати стульям"...

Евгений Петров писал сценарии комических фильмов, корреспонденции и фельетоны для "Правды". Но читателям хотелось от него большего. Грустно было думать, что вместе с Ильфом из литературы ушел и его соавтор. Петров еще молод, говорили мы себе, в год смерти Ильфа ему было всего тридцать четыре года, у

ровича на вокзале. Прежде его не видел, но полагал, что узнаю по портретам. И не ошибся: в толпе пассажиров "Стрелы" Петров выделялся высоким ростом, изяществом. К тому же на нем был заграничного покроя бежевый костюм... Я представился, потянулся за портфелем гостя, но он запротестовал: "Нет, нет! Мы направились к выходу."

- Пропуск на парад заказан? - озабоченно спросил он.

Я его успокоил: заказан, заказан!

Неужели на Петрова? - огорчился он своим новым вопросом. - По паспорту я ведь Катаев, разве редакция вас не предупредила? Ну, теперь не избежать объяснений с милицией. Каждый раз, когда направляюсь на трибуны Красной площади, приходится доказывать, что я один в двух лицах: и Петров, и Катаев. Илья Арнольдвич ("Ильф" ведь его псевдоним) из-за вечных пререканий по этому поводу даже перестал ходить на парады...

В корпункте я сразу же начал звонить в разные инстанции, чтобы переписали пропуск на Катаева. Инструктор горкома заявил, что таких полномочий не имеет, отфутобил меня в штаб флота, там ответили, что пропусками не занимаются, рекомендовали связаться с управлением НКВД. Каждый раз я начинал свои объяснения сначала... Евгения Петровича это очень веселило, он хохотал, подбрасывая мне новые объяснения, одним словом, потешался во всю.

- Это готовый скетч! - восклицал он сквозь смех.

В конце концов мне ответили, что список на пропуск утвердил сам генерал - начальник управления НКВД, только он волен исправить положение. Дозвонился. Генерал деловито спросил "данные на Катаева" и заверил, что фельдьегер доставит в корпункт новый пропуск.

- Для скетча концовка не годится! - заключил Евгений Петрович и начал сочинять